

664437

664437

664437

ПАРТІЯ СОЦІАЛІСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

ЮРІДЕЙ НИКОЛАЯ ПОСЛѢДНЯГО.

(1894 — 1904 г. г.)

«Государи, благодаря окружающей ихъ дворцовой атмосферѣ, воспитываются во лжи, приводящей ихъ къ основной фальши; вѣгомъ всей ихъ обстановки закаляетъ ихъ сердца противъ естественныхъ симпатій; они постепенно вырабатываются въ тирановъ, благодаря подчиненности, проявляющейся во всѣхъ умахъ, съ которыми они соприкасаются, и они поощряются къ деспотизму той рабской уступчивостью, которая поддерживаетъ ихъ шаги къ власти и злоупотребленіе ею. Какъ вѣрно то, что коршунъ высиживается своей матерью, изъ своего яйца, въ своемъ залитомъ кровью гнѣдѣ, — такъ вѣрно то, что прихлебатель-придворный является во дворцѣ законнымъ воспитателемъ тираніи».

H. Brougham.

Кто не помнитъ, какія надежды расцвѣли въ сердцахъ многихъ обывателей при вступленіи, въ 1894 г., на престолъ молодого монарха? Мрачное царствованіе Александра III, нависшее болѣе 10 лѣтъ свинцовой тучею надъ страной, кончилось. Не было извѣстно, что собою представляетъ новый царь. Но всѣмъ казалось, что во всякомъ случаѣ онъ будетъ лучше своего предшественника. Тотъ вступалъ на престолъ въ зловѣщее время, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ трагической смерти отца; тотъ долженъ былъ отсиживаться въ Гатчинѣ отъ народовольцевъ, откладывая коронацію, изъ страха, чтобы Царь-Динамитъ не разметалъ все торжество; тотъ долженъ былъ уединяться въ финляндскихъ шхерахъ и въ эмиграціи у тестя въ Даніи и выторговывать для коронаціи проходное свидѣтельство у Исполнительнаго Комитета Народной Воли; тотъ, подобно травленному волку, долго копилъ сосредоточенную озлобленность и съ ненормальной концентраціей мыслей на одномъ предметѣ дрожалъ за свою власть, вырабатывая изъ себя маньяка самодержавной идеи. Николай II былъ свободенъ отъ этихъ угнетающихъ впечатлѣній; онъ могъ

дѣйствовать съ развязанными руками; передъ нимъ было достаточно спокойнаго, свободнаго отъ политическихъ бурь времени, чтобы снискать популярность въ обществѣ, заранее настроенномъ въ его пользу. Къ тому же общество было весьма нетребовательнымъ: послѣ такого царя, какъ Александръ III, непогаго было бы достаточно, чтобы показаться добрымъ и симпатичнымъ...

Къ Александру III было особенно приложимо французское изрѣченіе: *quand il a peur, il est terrible* (когда его охватываетъ страхъ, онъ становится ужасенъ). Заурядый, упрямый «культурный дикарь», не выдающійся ничѣмъ, онъ былъ игрушкой и моральной жертвой своего положенія. Исторія сдѣлала его средоточіемъ всѣхъ ужасовъ самодержавнаго режима, который пережилъ себя и оказался въ непримиримомъ противорѣчьи съ самыми жизненными потребностями страны. И всѣ результаты этого противорѣчія, этого столкновенія — всѣ слезы, стоны, вся кровь и муки, неразлучные съ огромной тюрьмой, въ которую была превращена Россія, — съ годами все сильнѣе и сильнѣе концентрировались въ фигурѣ этого человѣка. Побѣда его надъ врагами, передъ которыми ему такъ долго приходилось трепетать, — сообщила ему ту уравновѣшенность, ту удовлетворенность маньяка, которая была непроницаемой броней, охранявшей его отъ впечатлѣній живой жизни — а эти впечатлѣнія могли бы заставить содрогнуться и мало чувствительное сердце. Но, будучи отъ природы человѣкомъ съ пониженною чувствительностью и восприимчивостью, онъ приобрѣлъ ту зачерствѣлость, которая плотной корой закупорила его сердце для жизни — и онъ шелъ черезъ лужи крови и грязи, черезъ моря слезъ и трудового пота народнаго, механически и нечувствительно, все болѣе и болѣе принимая образъ какого то нечеловѣческаго, неестественнаго выходца изъ другого міра — какой то зловѣщей статуи Командора, «тяжелымъ пожатьемъ каменной своей десницы» захватившаго несчастную страну и тянущаго ее назадъ, къ мраку дореформенныхъ порядковъ... И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оставался совершенно обыкновеннымъ, ограниченнымъ и достаточно невѣжественнымъ человѣкомъ — по натурѣ онъ вовсе не былъ тѣмъ ядовитымъ гаршинскимъ «краснымъ цвѣткомъ», который впиталъ въ себя все зло, всю жестокость, всю извращенность и всѣ черты звѣрства, сохранившіяся въ человѣчествѣ; нѣтъ, то была лишь тѣнь, отбрасываемая на него ненормальностью режима, средоточіемъ котораго пришлось быть ему.

Общественное мнѣніе не дооцѣнило значеніе той желѣзной логики положенія, которая своими зубьями захватила заурядную личность Александра III. Общественное мнѣніе переоцѣнило значеніе тѣхъ осбыхъ условій, подъ впечатлѣніемъ которыхъ Александръ III занялъ мѣсто своего отца. Лишенное сколько нибудь глубокаго политическаго воспитанія, наше культурное общество не поняло, какое фатальное наслѣдство оставилъ Александръ III своему сыну — и устремило на послѣдняго свои взоры, полные надеждъ и ожиданій...

Говорили, что самая молодость царя дѣлаетъ его умъ и сердце болѣе открытыми новымъ мыслямъ и вѣяніямъ, болѣе воспріимчивымъ къ потребностямъ и запросамъ жизни; говорили, что онъ образованнѣе отца, что онъ проникнуть болѣе современнымъ духомъ. Забывали, что это еще очень немного — быть образованнѣе того закоренѣлаго «Топтыгина III», образъ котораго такъ мастерски нарисовалъ Щедринъ; забывали, что молодость, доступность вліяніямъ — это палка о двухъ концахъ, и что въ атмосферѣ придворнаго преклоненія молодой, неумный, не самостоятельный, но унаслѣдовавшій упрямство отца юноша, вознесенный на сверхчеловѣческую высоту, увѣренный, что онъ — помазанникъ Божій, чудеснымъ образомъ воспріявшій особое наитіе свыше — тѣмъ легче можетъ выработаться въ тупого, самоувѣреннаго, заскоружаго невѣжду, незамѣтно плящущаго по чьей угодно дудкѣ и въ то же время воображающаго себя орудіемъ непогрѣшимаго божественнаго разума. Забывали, что такой человекъ можетъ лучше всего совмѣстить тряпичность души съ упорнымъ отстаиваніемъ своего самодурства, полное знакомство съ бытомъ и потребностями подвластнаго народа, съ отсутствіемъ всякаго желанія поучиться, приглядѣться, узнать его — ибо «даръ духа святаго» замѣняетъ это все, и, получивъ его при помазаніи на царство, «аки древле Саулъ», царь уже «не учась ученъ, коль прійдетъ въ восхищенье». Забывали... и нужно было, чтобы царя оцѣнило нѣсколько первыхъ «восхищеній»: только тогда общество было выведено нѣсколькими грубыми толчками изъ радужныхъ сновидѣній, опомнилось и вернулось къ чувству дѣйствительности. А дѣйствительностью было — все то же роковое проклятіе, фатально тяготящее надъ самодержцами всѣхъ временъ и народовъ...

Окружающіе Николая II характеризуютъ его, какъ человѣка слабого, безвольнаго, но временами крайне упрямаго. Онъ по складу своему фантазеръ, мечтатель, не чуждъ сентиментальности. Тираническая воля его отца, не терпѣвшаго въ семьѣ никакихъ противорѣчій, съ дѣтства ломила и гнула нѣсколько женственную и слабую натуру Николая. Немногіе свободные порывы сердца душились и вырывались съ корнемъ. Такъ, передъ бракомъ съ Алисой Гессенской, онъ, тогда еще наслѣдникъ, вздумалъ было распорядиться со своимъ сердцемъ самъ, не справляясь съ этикетомъ, — и долженъ былъ отправиться лечиться отъ этой болѣзни въ то несчастное путешествие, въ теченіе котораго онъ получилъ въ Японіи сабельную рану фанатика-полицейскаго. Эта сабельная рана была какъ бы прообразомъ той, еще болѣе жестокой, сабельной раны, которую русскій царизмъ получаетъ въ настоящее время отъ той же Японіи. — Царствованіе Николая II вообще было богато такими пророческими эпизодами...

Сентиментальныя фантазіи Николая II, проникавшіе въ общество слухи о его кратковременныхъ и слабыхъ «бунтахъ» противъ придворнаго этикета, опутывающаго съ ногъ до головы каждую изъ жертвъ Зимняго Дворца, и были причиною тѣхъ упованій и надеждъ, которыя возлагались на него въ культурно-либеральныхъ сферахъ. Къ тому же земцы сохраняли довольно благопріятное воспоминаніе о немъ изъ тѣхъ временъ, когда, въ качествѣ наслѣдника, онъ предсѣдательствовалъ въ «Особомъ благотворительномъ Комитетѣ» во время голодовки 1891-1892 г. г. Насколько беспокоили эти черты его личнаго характера придворную клику? Это трудно сказать; повидимому, однако, не очень. Было слишкомъ легко дать простой выходъ его фантазіямъ. Не имѣя представленія о реальной жизни народа, Николай былъ лишенъ всякаго чувства мѣры и перспективы, и ему ничего не стоило принять за великую милость, за облагодѣтельствованіе всей страны самую жалкую побрякушку. Ему предоставляли сколько угодно писать «утѣшительно» и «одобрительно» на губернаторскихъ и министерскихъ докладахъ о мнимыхъ успѣхахъ культуры и образованія въ Россіи, — а прессѣ запретили царскія отиѣтки комментировать; ему предоставили съ помпой ознаменовать вступленіе на царство указомъ объ ассигновкѣ 50000 рублей на вспомошествованіе нуждающимся литераторамъ и ученымъ — сумма, порядокъ употребленія которой легко могъ превратить ее въ литературный «фондъ пресмыкающихся». Впослѣдствіи къ этимъ и другимъ подобнымъ мелочамъ при-

бавилась еще болѣе грандіозная комедія-шутка въ одномъ дѣйстви — Гаагская конференція мира, которая должна была облагодѣтельствовать не только Россію, но и все человѣчество. На этомъ послѣднемъ примѣрѣ особенно рельефно видно, до какой степени раздвоился для царя міръ сентиментальной фантазіи и реальной дѣйствительности. Всенародная мирная конференція — и провоцирующая политика захватовъ на Дальнемъ Востокѣ, приводящая къ кровавымъ гекатомбамъ; «утѣшительно» на докладахъ о ростѣ школъ — и законъ о предѣльномъ обложеніи, кастрирующей культурно-просвѣтительную дѣятельность земства; первая милость, адресованная литераторамъ и ученымъ — и преслѣдованія литетатуры, науки и ихъ представителей, не знающія себя ничего подобнаго въ прошлой исторіи... Двѣ-три показныя мѣры преисполняютъ царя чувствомъ умиленія передъ дѣлами рукъ своихъ, и онъ уже мечтаетъ о дружномъ хорѣ благодаренія, ему уже рисуются картины, какъ подвластные ему народы устремляются къ нему сердца, и «собравшись къ его престолу, и, кроткихъ внявъ законовъ гласъ, по желтосмуглымъ лицамъ долу ліяютъ токи слезъ изъ глазъ». И вдругъ — черная неблагодарность... Сердце царя вспыхиваетъ гнѣвомъ. «Вотъ черни судъ! Ищи жъ ея любви!» И онъ идетъ слушать краткій катехизисъ государственной мудрости самодержавія, доказывающей, что страной можно управлять только бичами и скорпіонами...

Несчастная, жалкая фигура! Жертва своего положенія! Создай его случай не потомкомъ царской фамиліи, а обыкновеннымъ смертнымъ, онъ безмятежно провелъ бы жизнь мирнымъ обывателемъ, немного легкомысленнымъ, съ добрымъ, хотя и тряпичнымъ сердцемъ, — былъ бы отличнымъ семьяниномъ, питалъ бы сентиментальную вѣжность къ женѣ и дѣтямъ, на досугъ не безъ удовольствія слушалъ бы странника, который рассказывалъ бы ему и его женѣ, какъ хорошо было бы улагодворить весь міръ, давши «тебѣ кусокъ, мнѣ кусокъ и всѣмъ прочимъ также по куску»; повздыхавши объ этомъ, шелъ бы въ губернское правленіе или игралъ бы съ сосѣдомъ въ преферансъ или винтъ — и такъ тихо и мирно протекла бы его незамѣтная жизнь... И вотъ, капризомъ судьбы эту обывательскую фигурку вознесло на самую вершину грандіозной общественной пирамиды, — въ его дрожація руки попали бразды управленія внутренней и внѣшней политики, — ему внушили, что наитіе Божіе, что почившая на немъ благодать ставитъ его, какъ царя, превыше законовъ естества... Онъ

вознесенъ на такую высоту, что его слабая голова совершенно закружилась и отъ него отлетѣло всякое чутье реальности. Удивительно, ли, же что волна реакціи подхватила его и закружила, какъ ничтожную щепку?

Вотъ какими чертами рисуетъ его одинъ изъ сенаторовъ, имѣвшій достаточно случаевъ познакомиться съ его личностью и характеромъ:

«Онъ — тупъ, совершенно необразованъ, ничѣмъ не интересуется, ничего не читаетъ, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ, и даже, въ частности, что творится въ Россіи. Онъ любитъ семейную жизнь, дѣтей. Въ то время, какъ Россія переживаетъ серьезный кризисъ, онъ преспокойно предается патриархальной семейной идилліи. Утромъ они всѣ вмѣстѣ пьютъ чай или кофе, потомъ Александра Федоровна сама наскоро собираетъ со стола, и они вдвоемъ садятся играть въ карты. Если въ это время придетъ какойнибудь министръ съ докладомъ, то ужъ лакеи, чтобы подслужиться, просятъ обождать или придти въ другой разъ, такъ какъ «Его Величество заняты и принять не могутъ». Доклады онъ подписываетъ, не читая; онъ даже (sic!) «Новаго Времени» въ руки не беретъ! Правда, Александръ Ш былъ тоже не уменъ, но тотъ хоть любилъ военное дѣло, а этотъ и здѣсь ничего не смыслить... Изъ министровъ онъ слушается того, кто съ нимъ грубъ, кричить на него — Николай очень трусливъ и его легко запугать... Витте былъ съ нимъ развязенъ и безцеремоненъ, и Николай долго его слушался; но еще грубѣе былъ Плеве, которому легко удалось вытѣснить Витте и превратить Николая въ послушнаго школьника...»

Такова характеристика, въ которой сходятся всѣ, знающіе Николая.

«Ахъ, да развѣ онъ чтонибудь понимаетъ?» съ досадой говорить о немъ наслѣдникъ — нынѣ «бывшій» наслѣдникъ — Михаилъ. — «Бѣдный, запуганный молодой человекъ» — говорить про него Левъ Толстой. — «Путешествіе въ нашу страну — истинная пытка для этого робкаго, боязливаго и меланхолическаго существа» писалъ во время франко-русскихъ торжествъ enfant terrible реакціи, Дрюмонъ. — Но не иное впечатлѣніе производигъ онъ и на простонародье. «А царь-то нашъ скучный-прескучный» — говоритъ одесская баба. «Пришелъ вінъ такой совѣтливый, ажъ глаза потупивъ» — вторитъ ей курскій мужикъ — «та и говоритъ: потерпите, молъ, ребята»... Еще дальше идутъ тамбовскіе мужики, надѣлая

Николая презрительнымъ прозвищемъ: «царь куриныя-лапки».

И вотъ, такое то «существо» — именно «существо», а не человѣкъ — брошено въ водоворотъ политическихъ интригъ, гдѣ то и дѣло приходится, подобно Буриданову ослу, останавливаться въ недоумѣніи, какъ передъ двумя стогами сѣна, передъ такими величинами, какъ Витте и Плеве... Что дѣлать? Однажды, бывшій иркутскій генераль-губернаторъ при личномъ докладѣ царю (въ началѣ 1899 г.) началъ почтительно докладывать, что сибирскія школы не слѣдуетъ передавать духовному вѣдомству. Николай слушалъ, вникалъ и вдругъ... расплакался. — «Что же мнѣ дѣлать?» — нервно заговорилъ онъ сквозь слезы. «Вы вотъ говорите — не слѣдуетъ, а Константинъ Петровичъ (т. е. Побѣдоносцевъ) говоритъ, что необходимо передать... Хоть бы вы меня то пожалѣли!» Царь, отвѣчающій всхлипываніями на вопросы жизни — такихъ персонажей исторія не долюбиваетъ и неизмѣнно приводитъ ихъ къ трагическому концу. И вся ихъ жизнь становится какимъ то сложнымъ переплетомъ трагическаго и комическаго.

* * *

Извѣстенъ слѣдующій характерный эпизодъ. Глухою осенью 1894 г., днемъ, по Невскому проспекту, шелъ молодой офицеръ, съ задумчивыми печальными глазами. ● Офицеръ шелъ, не привлекая ничего вниманія, и благополучно миновалъ уже Милютины ряды, какъ вдругъ передъ нимъ выросла фигура градоначальника фонъ-Валя. Онъ бѣшено мчался въ своемъ экипажѣ по направленію отъ Зимняго дворца, зорко осматривая прохожихъ по Невскому. Увидѣвъ офицера, онъ выскочилъ изъ экипажа и, въ упоръ глядя своими красными воспаленными глазами (было болѣе 3 ч. дня и фонъ-Валь съ этого момента бывалъ совершенно пьянъ) на смущеннаго офицера, тихо сказалъ ему:

— Это невозможно, Ваше Величество!

— Но, генераль...

— Это невозможно, Ваше Величество, и я Васъ умоляю вернуться во дворецъ...

Моментально вокругъ государя — офицеръ съ печальными глазами былъ, дѣйствительно, ни кто иной, какъ Николай II, самодержецъ всероссійскій — и фонъ-Валь собрался толпа,

Царь продолжалъ идти по троттуару; фонъ-Валь шелъ по провѣду, почтительно изогнувшись.

— Но, генераль, я вышелъ погулять...

— Это невозможно, Ваше Величество...

На этотъ разъ послѣдняя фраза была услышана толпой; слова «царь! царь!» переходили изъ устъ въ уста; раздалось громкое «ура»; полетѣли вверхъ шапки: тогда Николай II былъ еще очень популяренъ, на него возлагали большія надежды, и появленіе царя безъ свиты и охраны еще болѣе наэлектризовало толпу... А въ это время изъ Зимняго же дворца прискакали адъютанты, окружили плотной цѣпью царя и повели его въ Аничковъ дворецъ къ вдовствующей императрицѣ (или, какъ ее здѣсь называютъ, къ «покойной» императрицѣ). «Мальчикъ» получилъ большой выговоръ, и съ тѣхъ поръ его заперли окончательно подъ замокъ.

Конечно, на этомъ сентиментальныя фантазіи царя не прекратились. Извѣстно, что во время своего перваго вѣзда въ столицу царь привелъ въ ужасъ полицію, приказавъ снятъ всѣ охранительные посты и кордоны войскъ. Загѣмъ, послѣдовали какіе то слабые, неясные симптомы чего то вродѣ ослабленія царствовавшей при Александрѣ III національной нетерпимости. Это были какіе то туманные, самому Николаю неясные порывы безпредметной благожелательности, стремленія внести что-то свое, кому-то пріятное, чтобы его благодарили, любили, благословляли. Все это было въ высшей степени мелочно, лишено серьезнаго содержанія, наивно; въ концѣ концовъ изъ этого выработалось только то, что царь заявилъ свое желаніе быть «лояльнымъ» — и эта «лояльность» долго прославлялась повсюду. Въ чемъ же состояла эта пресловутая «лояльность»? А въ томъ, что Николай, видите ли, не желаетъ быть деспотомъ, не желаетъ никому навязывать своей личной воли; а потому... а потому онъ не хочетъ ставить во что бы то ни стало своего мнѣнія выше мнѣнія своихъ министровъ, ибо они люди, и онъ человѣкъ; онъ тоже можетъ ошибаться; а потому онъ готовъ подчиняться большинству... своихъ придворныхъ любимцевъ. Такъ разрѣшились потуги царя пойти на встрѣчу симпатіямъ общества... Онъ нашелъ политическую формулу, которая санкціонировала и прикрывала его полную личную безпомощность и абсолютную неспособность вершить государственныя дѣла огромной страны — задача, разрѣшеніе которой, впрочемъ, пришлось бы не по плечу и во сто разъ болѣе способному и сильному человѣку...

Извѣстно также, что, по общимъ отзывамъ, совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности не было под-сказано Николаю ни однимъ изъ министровъ, а учреждено по его личному желанію. Лишь впоследствии къ этому жела-нію пристроились, его облѣнили со всѣхъ сторонъ опредѣ-ленные закулисныя и придворныя интриги, и оно послужило — какъ впрочемъ, всѣ благія пожеланія всѣхъ деспотовъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ — средствомъ выдвинуться для однихъ, средствомъ подсчитать своихъ враговъ — для другихъ. Русскому обществу памятни помпезныя слова «Го-сударя хотеть знать всю правду», которыми была открыта организаціи совѣщаній. А въ результатѣ получилось, что охранное отдѣленіе занесло въ книгу живота болѣе откровен-ныхъ либераловъ, чтобы съ ними расправиться, узнавъ луч-ше изъ ихъ собственныхъ устъ «всю правду» объ ихъ поли-тическихъ убѣжденіяхъ... И самъ царь, узнавъ эту «правду», вознегодовалъ противъ либераловъ и одобрилъ «мѣры пресѣ-ченія».

Еще болѣе характерны попытки царя нѣкоторыми совер-шенно экстраординарными путями «узнать всю правду», под-робно рассказанныя въ «Освобожденіи».*) Дѣло происходило какъ разъ въ ту эпоху, когда молодой царь переживалъ ка-кой то кризисъ — если только слово «кризисъ» подходит къ такой неглубокой и мелочной натурѣ; лучше сказать, пережи-валъ подобіе нѣкотораго кризиса, сопровождающее превраще-ніе болѣе или менѣе беззаботнаго насчетъ взглядовъ молодого человѣка въ особу, какъ будто обязанную имѣть свои взгля-ды на все, происходящее въ огромномъ государствѣ, и какъ будто тяготящуюся слишкомъ безцеремонной опекой окружа-ющихъ. Николай, въ концѣ концовъ, покорно исполнялъ все, что отъ него хотѣли, но... какъ будто немного каприз-ничалъ.

И вотъ, въ качествѣ одного изъ такихъ капризовъ, произо-шелъ любопытный эпизодъ. Царь далъ, съ помощью одного изъ великихъ князей, аудіенцію съ глазу на глазъ какому то скромному титулярному совѣтнику Клопову. Аудіенція имѣла совершенно частный, почти конспиративный характеръ — такъ сказать, маленькая шалость монарха внѣ обычнаго эти-кета и надзора. Что еще характернѣе, Клоповъ говорилъ ка-кія то туманныя, но пламенныя рѣчи противъ бюрократіи, за

*) «Суррогаты гласности для Высочайшаго употребленія», «Осв.» 1903 г., № 16.

общеніе царя непосредственно съ жизнью, съ «землей»... Правда, подъ всѣми этими громкими словами для самаго Клопова по существу не таилось ничего реального, кромѣ его совершенно частнаго интереса — правда, интереса фанатическаго, переходящаго почти въ манию, къ... положенію мукомольнаго дѣла. Когда-то ему было поручено изслѣдованіе этого дѣла въ какомъ-то районѣ; увлекшись этимъ дѣломъ, онъ потомъ осаждалъ всевозможными проэктами и докладными записками и земства, и министерства: отъ него отдѣльвались подачками; иногда, чтобы отвязаться, давали какія то обѣщанія; не видя исполненія ихъ, фанатикъ нуждъ мукомольной промышленности сдѣлался яростнымъ обличителемъ бюрократіи, которой онъ приписывалъ всѣ свои неудачи; и вотъ этотъ оригиналъ, заинтересовавшій одного изъ великихъ князей, предсталъ, въ качествѣ выходца изъ какого то другого, таинственнаго міра, передъ лицомъ царя, и, наруженный какими то картограммами и статистическими таблицами, заполненными гіероглифами, не менѣ загадочными и таинственными для царя, чѣмъ и самъ Клоповъ, сталъ «глаголомъ жечь» сердце монарха, говоря о его великомъ предназначеніи освободить Россію отъ бюрократіи, непосредственно узнать правду о Россіи, и прежде всего о мукомольномъ дѣлѣ, о его связи съ урожаями и неурожаями, съ положеніемъ земледѣлія, и т. д., и т. д. Многое въ этихъ рѣчахъ, конечно, осталось для Николая неяснымъ и загадочнымъ, но тѣмъ болѣе они ласкали его слухъ; недаромъ еще греки воздвигали алтари «невѣдомому богу». Да и самъ Клоповъ, видъ предѣловъ своего мукомольнаго дѣла, не представлялъ себѣ ничего конкретно о формахъ связи съ народомъ монарха, освобожденнаго отъ бюрократическаго плѣна. И вотъ, Клоповъ получаетъ отъ самаго государя особый открытый листъ за подписью коменданта дворца, съ порученіемъ «по высочайшему повелѣнію произвести частное изслѣдованіе въ мѣстностяхъ, пораженныхъ неурожаемъ». А еще немного спустя повсюду пошли и слухи о таинственной миссіи титулярнаго совѣтника, посланнаго царемъ, чтобы узнать «всю правду»; Клопова стали посѣщать и земцы, обличавшіе губернаторовъ, и чуткіе бюрократы, почувавшіе что то необычайное, и такіе же неудачники-прожекторы, какъ Клоповъ, и просто всевозможные дѣльцы, хамелеоны и проходимцы, якобы «потерпѣвшіе за правду». Нѣкоторые исправники, по завѣреніямъ кн. Мещерскаго, телеграфировали губернаторамъ, что «въ уѣздѣ проявился господинъ, требующій настоящую, а не губернаторскую правду». Посыпались жалобы; несчаст-

ный Клоповъ, вынужденный неожиданно для себя самаго быть пародіей на маркиза Позу, все болѣе и болѣе походилъ на галопирующую, осѣдланную кавалерійскимъ сѣдломъ корову; надъ «титудлярнымъ совѣтикомъ Правдинымъ» зло издѣвались реакціонныя газеты, какъ надъ новоявленнымъ спасителемъ всей Россіи путемъ трехъ средствъ: «открытаго листа, подъемныхъ денегъ и фигуры, выражающей жажду къ правдѣ»; царская конспирація при помощи фанатика мукомольнаго дѣла, все болѣе выяснялась, какъ смѣшной фарсъ... А царь, которому запрещенный плодъ былъ сладокъ, все продолжалъ ждать чего то отъ секретныхъ аудіенцій, въ которыхъ титулярный Поза ничего не могъ сообщить такого, что бы не было извѣстно въ печати, и тщетно старался выдать изъ себя какое нибудь «въщее слово». Но «слова» не находилось; царю же въ концѣ «концовъ» становилось скучно. Ни тотъ, ни другой не могли сказать другъ другу, что имъ собственно нужно; одинъ, подобно сказочному королю, могъ бы сказать: «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Другой же могъ поклоняться туда-сюда по бѣлу свѣту и принести... пустое мѣсто. Черезъ нѣкоторое время, Клоповъ на этотъ разъ, повидимому, вполне «понятый» и «оцѣненный» ловкими людьми изъ правящихъ сферъ, совершенно успокоился и предложилъ на милость прежній гнѣвъ противъ бюрократіи, которую онъ раньше обличалъ. Онъ сталъ заявлять направо и налево, что «Вячеславъ Константиновичъ Плеве одушевленъ самыми лучшими намѣреніями». Такъ успокоилась эта мятущаяся душа, такъ «узналъ всю правду» Николай, такъ произошло единеніе царя съ землей и освобожденіе отъ бюрократическаго плѣна, такъ закончилась вся эта нелѣпая, пустая и смѣшная комедія между этими «игрушечнаго дѣла людишками»...

Были у царя и другіе временные «маркизы Поза», столь же нелѣпые, столь же достойные своего жалкаго и нелѣпаго повелителя. Въ качествѣ такого же царскаго каприза, извѣстный сверхъ-патріотъ, чудакъ и коллекціонеръ, князь Эсперъ Ухтомскій-Азіатскій, издавалъ съ помощью либерально и даже радикально мыслящихъ людей газету, пытавшуюся стать выше всѣхъ бюрократическихъ вліяній, слышшую одно время за личный органъ царя; князь Эсперъ призывалъ царя въ одно и то же время вывести всѣ злоупотребленія на Руси и объединить весь Китай и всю Азію подъ своей порфирой; потомъ явился самоучка-самородокъ метеорологъ Демчинскій изъ Новаго Времени, съ претензіями предсказывать и политическую погоду, много льстившій царю и много толковавшій о правдѣ

и неправдѣ, великомъ призваніи царя облагодѣтельствовать Россію и т. п.; въ результатѣ и этотъ авантюристъ «получилъ» кругленькую сумму на свою «метеорологію»; и всѣ эти мѣнявшіеся вдохновители царя проходили пестрымъ калейдоскопомъ; метеорологія смѣнялась мукомольнымъ дѣломъ, мукомольное дѣло — проэктомъ основанія паназіатской монархіи; неизмѣнными оставались лишь рѣчи о великомъ предназначеніи царя, о его миссіи, о томъ, что только отъ него вся Россія ждетъ окончательнаго ея облагодѣтельствованія. И, въ концѣ концовъ, царь, вѣроятно, и не почувствовалъ особенной разницы, когда на мѣсто титулярнаго совѣтника Правдина явился князь Мещерскій, тоже недовольный бюрократіей, тоже предлагающій царю черезъ его посредство «узнать всю правду», познать свое предназначеніе, понять — помимо бюрократическихъ канцелярій — истинныя живыя потребности страны... И се — произошло великое событіе, о которомъ повѣдалъ своимъ читателямъ въ «Гражданинѣ» этотъ «Содомскій князь и гражданинъ Гоморры»: онъ «вышелъ изъ царскаго кабинета съ душою не только укрѣпленною, но и горѣвшею»; отнынѣ онъ вступилъ въ непосредственное «общеніе съ духовнымъ міромъ царя»...

Стоитъ, пожалуй, отмѣтить и еще одинъ эпизодъ: узнавъ о Кишиневскомъ погромѣ, Николай пожелалъ было послать собственнаго флигель-адъютанта для разслѣдованія дѣла, — но, узнавъ, что Плеве уже послалъ туда для этой же цѣли Лопухина, обрадовался и удовольствовался этимъ — тѣмъ болѣе, что Іоаннъ Кронштадтскій, высказавшійся сначала противъ погромщиковъ, понялъ свою неловкость и поправился, заявивъ, что евреи сами виноваты.

А еще черезъ нѣсколько времени царь уже входилъ — во время Саровскихъ торжествъ — въ непосредственное общеніе съ землею: его встрѣчали группы подобранныхъ, молодецъ и молодецъ, красавица къ красавицѣ, пейзажъ и пейзажокъ въ живописныхъ группахъ; собственноручно принималъ онъ отъ бабъ, въ яркихъ бытовыхъ костюмахъ, жбанъ съ яйцами; лично разспрашивалъ у старшинъ, георіевскихъ кавалеровъ, хорошо ли имъ жвется и т. п. — и радовался, какъ ребенокъ, окружавшей его атмосферѣ благоговѣнія, почитанія, любви и... страха.

* * *

Но въ это время, при всѣхъ этихъ радостяхъ «общенія съ народомъ», онъ уже не снималъ ни кордоновъ, ни пикетовъ,

ни стражи на всемъ пути слѣдованія. За это время уже много воды утекло... и еслибы только одна вода текла это время!

Неблагодарная страна роптала; вѣрные слуги царя падали жертвами злодѣйскихъ покушеній. Недаромъ, очевидно, запугивали его опытные люди, отговаривая отъ пародій на Гарунъ-аль-Рашидовскія замашки. Ихъ предостереженія, сначала казавшіяся ему пустыми словами, оказывались, очевидно, пророческими. Методъ запугиванья, объектомъ котораго онъ былъ съ начала царствованія, оказался дѣйствительнымъ, зловѣщія реальныя событія пришли къ нему на помощь и блестяще его подтвердили.

По существу дѣла, конечно, старые волки реакціи были правы, если даже порою и фальшивили. Пусть иногда имъ случилось преувеличивать, раздувать тѣ или иныя событія, чтобы напугать Николая и склонить его къ беспощаднымъ мѣрамъ. Вѣдь все равно — рано или поздно, онъ самъ бы кончилъ тѣмъ же. Колоссальное историческое противорѣчіе между царизмомъ и ростомъ самосознанія великой страны не замжешь и не устранишь пріятными улыбками. Придворная среда не можетъ воспитать царя, который бы рѣшился на политическое самоубійство — а только такое самоубійство, только отказъ отъ самодержавія, или реакція à l'outrance — можетъ вывести самодержца изъ фальшиваго, двусмысленнаго положенія. И вотъ почему всѣ цари, въ эпохи, когда самодержавіе отживаетъ свой вѣкъ, фатально кончаютъ тѣмъ, что ударяются въ реакцію, лишь ослабляя ее время отъ времени колебаніями, нерѣшительностью, которыя только будятъ и раздражаютъ общественные аппетиты, — а жгучую ненависть къ коронованному воплощенію произвола осложняютъ презрѣніемъ къ слабости, дряхлости и рыхлости «послѣдышей» когда то грознаго принципа.

Не оставалось безъ вліянія здѣсь и то, что вообще — даже и въ личной жазни — Николай оставался долго на рѣдкость неудачникомъ. Уже одно десятилѣтнее ожиданіе сына-наслѣдника, и каждый разъ — разочарованіе, достаточно угнетало его. Но эта, казалось бы, совершенно интимная сторона жизни, благодаря безобразной недѣлицѣ самодержавныхъ порядковъ, неминуемо выпячивалась наружу, и хотя въ тщетномъ ожиданіи сына по существу не заключалось ничего смѣшного, но политическое значеніе этого событія и обстановка его придавала ему комическій колоритъ. Съ этимъ связывался вопросъ, перейдетъ ли престолонаслѣдіе къ Михаилу и его

линіи, а на этой почвѣ поднималось каждый разъ взбаламу-ченное море интригъ, закулисныхъ пружинъ и расчетовъ. Семейныя неудачи царя принимали общественное значеніе, сосредоточивали на себѣ вниманіе, знаменовали тѣ или другія общаго характера послѣдствія. Но еслибы общество само относилось къ этому равнодушно, то, какъ всегда, не въ мѣру усердная цензура позаботилась бы о томъ, чтобы сдѣлать царя смѣшнымъ нелѣпыми предупредительными мѣрами по огражденію его «престижа».

Въ «Народной Волѣ» былъ какъ то рассказанъ слѣдующій анекдотъ. Мимо Аничковскаго дворца проходятъ два господина въ жаркомъ спорѣ о чемъ то или о комъ то. «Помилуй — говоритъ одинъ изъ нихъ другому — давѣд онъ же просто дуракъ!» Какъ вдругъ говорящій ощущаетъ на своемъ плечѣ тяжелую руку «блюстителя порядка» и слышитъ суровый возгласъ: «пожалуйте въ участокъ!» — «Какъ, за что?» — «Нечего-съ, нечего-съ разговаривать; *знаемъ мы, кто это дуракъ*, пожалуйте въ участокъ, тамъ разберутъ». Догадливый полицменъ сообразилъ, что произошло оскорбленіе величества; окомъ бы, въ самомъ дѣлѣ, такъ говорить прохожимъ? Но такъ же точно оберегался и «престижъ» Николая II. Наши читатели еще помнятъ, вѣроятно, какъ въ Нижнемъ Новгородѣ полиція отбирала календарь, на первомъ листѣ котораго была изображена особа женскаго пола, несущая въ корзинѣ четырехъ маленькихъ поросенокъ, — въ этомъ почему то усмотрѣли намекъ на четырехъ царскихъ дочерей; съ другой стороны, послѣ выкидыша у царицы, цензура ухитрилась и это ни мало не смѣшное событіе обратить въ смѣхъ, приказавъ исключить изъ фееріи «царь Салтанъ» слова: «родила царица въ ночь не то сына, не то дочь, не собачку, не лягушку, такъ — невѣдому звѣрюшку»...

Дѣйствительно, Николай оказался неудачникомъ на рѣдкость, и его царствованіе, зловѣще начавшееся Ходынской катастрофой, очевидно, зародилось подъ несчастливой звѣздой. По мѣрѣ того, какъ всюду росло къ нему неуваженіе, презрѣніе, ненависть, онъ, осыпаемый насмѣшками всего міра, все больше и больше ударялся въ мрачный мистицизмъ. Не весела была и вообще его жизнь. Вѣчно на чesкy, онъ жилъ, напимѣръ, въ Ливадіи въ своемъ замкѣ, словно нѣ крѣпости, ждущей непріятельскаго приступа. Населенію было строго запрещено приближаться къ этому замку; всюду кордоны и пикеты, войска и полиція, явнал и тайнал, въ формѣ и безъ формы. А перѣзды его по Россіи? Цѣпь солдатъ вдоль

лннн, постоянныя рекогносцировки, въ городахъ — заколачнчанн чердаковъ и подвальныхъ этажей, ревнзнз водопроводовъ, допускъ къ окнамъ и балконамъ не иначе, какъ по особому разръшеннню, билетнн на право стояннн на улицахъ при пробъздъ царской кареты... Не весело все это, особенно когда время отъ времени приходятъ извъстнн о томъ, что карающая рука революцнн опустилаcя на одного, на другого, на трегьяго изъ «върнншнхъ слугъ» самодержавнн... Характерно, какъ описывалъ рядовой изъ дворцовой стражи въ письмъ на родину настроенн и поведенн Пиколая послъ смерти Сипягина... «Въ четвергъ министра хоронили, а бъдный государь прнвъхалъ только на выносъ, тоже страшно боится, провэжать не пошелъ. Жнсть хуже нашего, государь все опасается, и сидитъ больше въ своемъ Зимнемъ дворцъ, все одно что арестованный: только и развлеченн — играютъ со своими собаками; выпуститъ когда штукъ пять, а когда восемь, они такъ на него и прыгаютъ, и бъгають съ ними по саду, а вндать только изъ Морского Адмиралтейства; а то бъгають по крышъ или же играютъ съ Братомъ въ лапту; вотъ какое тяжкое положенн ихъ»...

Конечно, образъ этого Митрофанунки, гоняющаго по крышамъ или забавляющагося въ лапту, и здъсь болъе смъшонъ, чъмъ жалокъ. Но себъ самому царь, конечно, не смъшонъ, и въ немъ должна накапливаться злоба, и тъмъ больше, чъмъ чаще онъ начинаетъ замъчать, что его несчастья служатъ поскъшнщемъ для другихъ. А не замъчать этого совсмъ, при слъжныхъ интригахъ двора, гдъ борются столько честолюбнй и дъ такъ изобилуютъ доносы другъ на друга — также нельзя. Свой слъдъ должны были, наконецъ, оставить и эти интриги, которыя доходили одно время до плановъ у тановленн регентства. Наконецъ, и у мягкаго человекъ въ такихъ условняхъ можетъ явиться охота «показать себя»... И мы вндимъ, что царь начинаетъ «показывать себя» все больше и больше, все чувствнтельнфе и чувствнтельнфе...

Въ иностранной прессъ не разъ сообщалось, что первое время камарилья не брезговала даже грубъшншими подлогами, вродъ неожиданныхъ появленнй въ кабинетъ царя, какъ съ неба свалившнхся, угрожающнхъ писемъ — разумъется, якобы революцннныхъ. Върно ли это — неизвъстно. Но и безъ того были причины нервничать. Неудивнтельно, если разстроенная мннмыми страхами фантазнз царя населяла окружающую среду всевозможными призраками. Вокругъ него выросталъ цълый фантастическнй мнръ невидимыхъ, злобныхъ враговъ. Слабая,

больная голова царя не могла противопоставить этому напы-
ву гнетущих впечатлѣній никакого серьезнаго сопротивле-
нія. Къ этому прибавилась болѣзнь. Ударъ японской сабли
оставилъ надолго слѣдъ, и въ 1897 г. у Николая стали въ
угрожающихъ размѣрахъ усиливаться головныя боли, позер-
гавшія его въ состояніе полной душевной депрессіи. Припад-
ки апатіи граничили съ душевнымъ разстройствомъ. Это были
форменныя галлюцинаціи: царь всюду видѣлъ паутину, сме-
талъ ее и приказывалъ дѣлать тоже приближеннымъ. Не на-
чалось ли это съ того, что онъ видѣлъ себя опутаннымъ сѣ-
тями революціонныхъ заговоровъ? Вѣрно лишь одно: онъ не
видалъ вокругъ себя другой, дѣйствительно вездѣсущей въ
дворцовыхъ палатахъ паутины, безвозвратно опутывающей
всѣхъ коронованныхъ особъ — паутины придворной клики
существующей волею тирановъ, приспособленной окружать
тирановъ и воспитывающей тирановъ.

И вотъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше изъ этой заурядной
фигуры, скорѣе наклонной къ мягкости и благодушію, чѣмъ
къ жестокому самодурству, начинаетъ въ силу желѣзной лс-
гики положенія, развиваться типичный тирапъ, въ одно и
то же время жалкій и озлобленный, слабохарактерный и за-
коренѣлый. Постояннымъ гостемъ въ его дворцѣ оказывается
скоро Іоаннъ Кронштадтскій; изъ устъ этого облаченного въ
ризы Іудушки льются потоки лампадной философіи, и царь
впиваетъ въ себя новыя откровенія о сущности боговнушен-
ныхъ задачъ царской власти. . . . Ему обѣщано, между про-
чимъ, что, пока въ Россіи останется самодержавіе, въ нее
не придетъ антихристъ. Православнаго шамана скоро смѣня-
етъ фокусникъ болѣе moderne style, спиритъ, престижжигат-
оръ и оккультистъ Филиппъ — вывезенный въ Петербургъ
великой княжной Милицей Николаевной; идутъ вызыванія ду-
ховъ, и Николай входитъ, чрезъ посредство этого ловкаго
авантюриста, въ непосредственныя сношенія съ загробнымъ
міромъ, получая отъ своихъ предшественниковъ на тронѣ еще
болѣе практическія совѣты и указанія. . . . Такъ, одинъ изъ ду-
ховъ, болѣе интересующійся житейской прозой, рекомендуетъ
отдать концессіи на городскую желѣзную дорогу Балинскому
и комп.; а другой, болѣе занятый государственными дѣлами,
требуетъ военнаго суда надъ Качурой. . . .

* * *

Когда Николай вошелъ на престолъ, русская либеральная
пресса разумѣется, хоромъ стала воспѣвать будущія, чаемыя

отъ «молодого монарха» великія и богатія милости. Это — тотъ испытанный методъ, который «оппозиція Его Величества» издавна противопоставляетъ методу придворной камарилли. Та запугиваетъ; эта, напротивъ, доказываетъ, что все «добро зѣло». Та льститъ, внушая своему «барину» головукружительную мысль о его всемогуществѣ и непогрѣшимости; эта тоже льститъ, стремясь перетолковать въ либеральномъ смыслѣ всякаго чиханье «августѣйшаго», расхваливая его за этотъ либерализмъ и упоая дохвалить до настоящихъ либеральныхъ реформъ. И получаетъ за это въ награду бичи и скорпіоны.

Всеподданѣйшіе адреса, которыми либеральныя земства привѣтствовали наслѣдника Топтыгина III, были болѣе чѣмъ скромны, и, собственно говоря, слѣда конституціонныхъ стремленій въ нихъ пришлось бы искать днемъ съ огнемъ. Всѣ они на разные лады перепѣвали одинъ и тотъ же мотивъ: «пусть голосъ нашъ, голосъ земщины, дойдетъ до высоты престола», нуженъ «открытый доступъ голосовъ земства къ престолу».

Либеральный авторъ С. Мирный, собравшій и издавшій заграницей всѣ эти земскіе адреса, съ комментаріями, выясняющими ихъ политическій смыслъ («Адреса земствъ 1894-95 г. и ихъ политическая программа»), совершенно справедливо указалъ, что «мысль, выразившаяся въ адресахъ, идеалъ, который въ нихъ сказанъ, есть безспорно отрицаніе абсолютизма канцелярій, во и вѣра въ истину самодержавія, вѣра, что самодержавный государь можетъ явиться оплотомъ свободы жизни и правъ личности». Какъ видите, идея довольно невинная. Точно также хотя бы и «Освобожденіе» справедливо замѣчаетъ, что «это было не умаленіе — это была идеализація самодержавія». И нужно было достаточно ненормальное и раздраженное настроеніе духа, чтобы въ отвѣтъ на такія вѣрноподанически-либеральствующія рѣчи бросить тотъ грубый окрикъ о «безсмысленныхъ мечтаніяхъ», которымъ разрѣшился «молдой монархъ» на торжественномъ приѣмѣ. Какъ видно, онъ уже видѣлъ въ земскихъ Макіанели поднимающую голову гиду революціи... Его прямо забрасываютъ депутаты отъ сословій складнями, ларчиками, образами, серебряными блюдами, солонками — но онъ съ подозрительностью маниака уже высматриваетъ въ глазахъ земцевъ робкія надежды на грядущія перемѣны и спѣшитъ пресѣчь зло въ корнѣ, заявивъ, что «твердо и неуклонно» будетъ идти «по стопамъ родителя»...

Характерно описаніе очевидцами этой исторической сцены. Въ немъ, какъ живой, встаетъ этотъ «робкій, заикающійся, краснѣющій молодой человѣкъ», который производилъ свой первый опытъ выступленія въ роли разгнѣваннаго коронованнаго громовержца. «Предъ своею рѣчью царь выступилъ на 3 шага впередъ и началъ говорить напряженно и ненатурально. Голосъ его, начавшись съ невѣрной ноты, подымался все выше и закончился крикомъ. Чувствовалась сразу фальшь и сознаніе фальши и ораторомъ, и аудиторіей. Это была рѣчь, лишенная не только величія, но и простого достоинства. Это были подуистерическія выкрикиванія застѣнчиваго человѣка, который, очертя голову, кидается напроломъ въ исполненіе чужого и чуждаго ему предписанія... Это былъ манекень царя, автоматъ, загипнотизированный вліяніемъ высшей бюрократіи. Впечатленіе было болѣзненно и сильно именно этой жалкой истеричностью и автоматизмомъ... Разсказываютъ, что въ это время молодая царица, еще плохо понимавшая русскую рѣчь, наклонилась къ одной изъ великихъ княгинь и спросила по французски: «Qu'est ce qu'il leur explique?» («Что это онъ имъ объясняетъ?») — «Il leur explique — отвѣчала спрошенная—qu'ils sont des imbeciles». («Онъ объясняетъ имъ, что они — идиоты».*)

Та же раздраженная запуганость неоднократно повторяется дальше, все чаще и чаще вызывая Николая на грубыя и не тактичныя выходки. Призракъ революціи не даетъ ему спать. Въ Ярославлѣ въ 1895 г. войско разгоняетъ стачечниковъ и даетъ залпъ по толпѣ, уже обращающейся въ бѣгство, убиваетъ и ранитъ многихъ, причемъ большинство жертвъ оказывается пораженными съ тыла. И царь надписываетъ на докладѣ: «весьма доволенъ спокойнымъ и стойкимъ поведеніемъ войскъ во время фабричныхъ беспорядковъ», а командующій войсками округа, Костанда, сообщаетъ о милостивыхъ словахъ царя, передаетъ «спасибо молодцамъ-фанагорійцамъ» и офицерамъ — «искреннюю» благодарность за *умъ, лов* и своевременное употребленіе оружія...

*) Не такъ давно, впрочемъ, царь повторилъ этотъ урокъ, отвѣтивъ на славянофильскія изліянія насчетъ единенія самодержавнаго царя съ земщиной, что это выходитъ изъ круга вѣдѣній земскихъ учрежденій, а потому онъ «повелѣтъ соизволяль, чтобы случаи, подобные настоящему, впредь не повторялись»; и уже совсѣмъ недавно грубо обозвалъ «дерзкой и безтактной» попытку черниговскаго земства выравнять свои скромныя конституціонныя пожеланія...

Восхищенной этой и аналогичными услугами войскъ, Николай догадался даже въ особомъ рескриптѣ заявить: «военная служба нынѣ стала великой школой государственнаго воспитанія для народа».

Послѣ знаменитой бойни на Казанской площади, вызвавшей взрывъ возмущенія даже въ людяхъ, самыхъ благонамѣренныхъ, царь передалъ въ рѣзкой формѣ свое личное неудовольствіе кн. Вяземскому, пытавшемуся остановить полицейскія звѣрства, — а палочникъ Клейгельсъ, созвавши 26 іюня всѣхъ чиновъ полиціи, заявилъ имъ: «я счастливъ передать вамъ, что государь императоръ повелѣлъ благодарить всѣхъ полицейскихъ чиновъ за дѣйствія по прекращенію безпорядковъ — начиная съ весны нынѣшняго года»...

Мяснику Оболенскому за его «дѣянія» Плеве на торжественномъ обѣдѣ передаетъ отъ царя — орденъ и *помилуй*...

Затѣмъ слѣдуетъ жандармскій съѣздъ, послѣ котораго царь лично объявляетъ шефу отдѣльнаго корпуса жандармовъ свою надежду, что «отнынѣ тѣсный союзъ, установившійся между нами (жандармеріей и престоломъ), будетъ крѣпнуть все болѣе и болѣе»...

Такимъ же точно образомъ, когда реформированная Бобриковымъ финляндская полиція, за рядъ незаконныхъ дѣяній, подверглась преслѣдованію стоявшихъ на стражѣ закона финляндскихъ судовъ, царь приказываетъ передать отъ своего лица Гельсингфорскому полицейскому корпусу «полнѣйшее благоволеніе и большое спасибо за разумное, энергичное поведеніе», и вмѣстѣ съ тѣмъ надежду, «что они и впредь будутъ служить царю и отечеству съ такимъ же рвеніемъ».

Какъ извѣстно, мать С. В. Балмашева послѣ смертнаго приговора подала на имя царя прошеніе о помилованіи сына. Царь категорически заявилъ, что о помилованіи могла бы идти рѣчь лишь въ томъ случаѣ, если бы самъ «преступникъ» принесъ покаяніе и просилъ о монаршемъ прощеніи... Впрочемъ, онъ еще раньше не менѣе категорически заявлялъ: «за Сипягина не помилую».

Когда царю нашептали, что Ванновскій идетъ слишкомъ далеко, и что онъ можетъ слишкомъ раздражить аппетиты прежде столь смирной либеральной оппозиціи, царь въ припадкѣ свойственнаго ему испуганнаго раздраженія пишетъ старику собственноручно крайне грубое, неделикатное и рѣзкое письмо, весьма недвусмысленно предлагая ему удалиться на покой. Мало того — даже при послѣднемъ пріемѣ ональнаго министра онъ постарался показать ему, насколько ему

противны всякія «либеральныя» затѣи. Когда удаляющійся «на покой» старикъ сталъ высказывать свои «последнія» соображенія о положеніи дѣлъ съ образовательной реформой, Николай сталъ выказывать явные признаки нетерпѣнія и демонстративно глядѣть то и дѣло на часы... На вопросъ разстроеннаго Ванновскаго, не торопится ли куда нибудь «Его Величество», тотъ отвѣтилъ: «Да, дядя Дмитрій Константиновичъ обѣщаль мнѣ нынче показать двухъ жеребцовъ... я и тороплюсь». Старикъ вылетѣлъ бомбой изъ кабинета и публично разрыдался... «Плачетъ старый камень, въ прудъ роняя слезы»... Зенгеру за какое-то преобразование прогимназій въ гимназію (въ г. Лодзи) достается «высочайшій» автографъ: «сколько разъ я говорилъ, что не сочувствую такимъ преобразованиямъ!» С. Ю. Витте, недавній фактическій самодержецъ, вынужденъ былъ оставить свой портфель, горько жалуясь, что «человѣкъ, который прослужилъ болѣе десяти лѣтъ министромъ, прогоняють, какъ лакея»...

Какъ извѣстно, Плеве увѣрялъ Янжула, что въ правительствѣ наибольшій антисемитъ — самъ царь. Извѣстенъ также эпизодъ со скрипачемъ Падеревскимъ. Николай выразилъ ему послѣ концерта въ Зимнемъ дворцѣ свое восхищеніе и удовольствіе по поводу того, что такое впечатлѣніе на него произвела *шра русскаго*. «Простите, Ваше Величество — отвѣтилъ Падеревскій — но я полякъ». Этотъ отвѣтъ вызвалъ взрывъ злобы Николая, и обошелся Падеревскому высылкой въ 24 часа изъ Петербурга съ запретомъ въ него возвращаться.

Нѣтъ сомнѣнія, что иногда подобныя выходки являются прямымъ результатомъ какихъ-то болѣзненныхъ вспышекъ. Это очевидно. По временамъ царь изнемогаетъ подъ бременемъ кровавого наслѣдства предковъ, удаляется и запирается по цѣлымъ днямъ въ своемъ кабинетѣ, болѣзненно реагируетъ на всѣ впечатлѣнія и особенно податливъ ко всѣмъ возможнымъ нашептываніямъ. Когда 10-го мая 1902 года по приказанію Сипягина раздались первые выстрѣлы въ безоружную рабочую толпу, Николай явился въ государственный совѣтъ испуганный и удрученный, мрачный, какъ ночь. Стоя, въ молчаніи выслушалъ царь рѣчь Михаила Николаевича, и, вмѣсто отвѣтной привѣтственной рѣчи съ объявленіемъ наградъ и милостей, — повернулся и ушелъ, оказавъ небывалое невниманіе, неуваженіе, оскорбленіе «маститымъ» членамъ государственнаго совѣта... Характерна эта психологія «последыша» самодержавія, предчувствующаго надвигающійся конецъ и видящій на яву страшные сны...

Наконецъ, личность царя время отъ времени даетъ себѣ чувствовать въ нѣкоторыхъ общихъ вопросахъ.

Въ апрѣлѣ 1902 года Государственный совѣтъ, при обсужденіи проекта объ управленіи дѣлами инородцевъ въ Сибири, отвергъ статью о правѣ крестьянскихъ начальниковъ наказывать розгами и, ксати, *единогласно* постановилъ «принести къ стопамъ государя просьбу объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія въ Россіи вообще». Николай приказалъ «иересмотрѣть вопросъ». Государственный совѣтъ повторилъ то же рѣшеніе. На соотвѣтственную «меморію» царь положилъ краткую резолюцію: «Когда захочу, тогда отмѣню». Вѣроятно уже тогда царь рѣшилъ не раньше осчастливить мужицкія тѣла избавленіемъ отъ терзаній, чѣмъ самого его Всевышній осчастливитъ наследникомъ...

Такъ, далѣе, когда Государственный Совѣтъ отклонилъ большинствомъ проектъ Бобрикова-Куропаткина объ измѣненіяхъ въ военномъ законѣ Финляндіи, царь нисколько не поколебался изъять законопроектъ изъ обсужденія совѣта и передать въ особое секретное совѣщаніе, которое и приняло свое, чреватое тяжкими послѣдствіями, рѣшеніе...

Наконецъ, какъ извѣстно, личная воля царя сыграла свою роль и въ началѣ русско-японской войны. Онъ упрямо повторялъ, что Японія не рѣшится воевать, и не менѣе упрямо поддерживалъ людей вродѣ Алексѣева, проводившихъ по отношенію къ Японіи самую неуступчивую и вызывающую политику. Витте даже въ эпоху своего могущества ничего не могъ подѣлать съ этими симпатіями «молодого монарха», и съ раздраженіемъ, совершенно безцеремонно называлъ всю нашу политику на Дальнемъ Востока «la politique d'un jeune homme». Кто знаетъ, насколько вліяло при этомъ на царя непріятное воспоминаніе объ эпизодѣ, когда обнаруженное имъ — еще наследникомъ — неуважительнаго отношенія къ японскимъ святынямъ, навлекло на его легкомысленную голову сабельный ударъ японскаго фанатика... Вѣрно лишь то, что въ этомъ вопросѣ царь и теперь снова кладетъ на чашку вѣсовъ свою личную волю, свое личное упорство и закоренѣлость. Пародируя Александра I, онъ заявляетъ принцу Баттенбергскому, что не прекратитъ войны, пока у него останется хотя одинъ солдатъ и хотя одинъ рубль въ государственной казнѣ. Во что бы то ни стало, ему нуженъ кровавый реваншъ надъ Японіей; его авантюра уже стоила Россіи неисчислимыхъ затратъ и неисчислимыхъ жертвъ людьми; испуп-

леніе этой авантюры можетъ стоить вдвое, втрое больше; но — repeat Россія, fiat удовлетвореніе царскаго самолюбія!

И въ послѣднее время, какъ сообщаютъ намъ, этотъ уже достаточно отшлифованный азіатскій деспотъ даетъ о себѣ все больше и больше чувствовать при направленіи политики. Такъ, — пишутъ намъ — «замѣчаемыя колебанія Мирскаго въ «новомъ курсѣ» объясняются непрочностью положенія новаго министра и личнымъ поведеніемъ Николая Послѣдняго, который отъ времени до времени и совершенно неожиданно для власти имущихъ вдругъ начинаетъ упрямо упираться. Оказывается, что онъ теперь никому не вѣрить и никого къ себѣ близко не подпускаетъ, разсматривая въ то же время всѣ теперешнія несчастья и новшества, какъ временныя испытанія, ниспосылаемыя на него свыше за грѣхи предковъ. Слово «конституція» приводитъ его въ самое дурное расположеніе духа...»

Все это не совсѣмъ гармонируетъ съ обычнымъ взглядомъ, будто Николай дѣлаетъ лишь то, что ему подскажутъ. Этотъ обычный взглядъ вѣренъ только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Понятно, что при общей невѣжественности, слабохарактерности и легкомысліи царь не можетъ обойтись безъ какой нибудь «твердой руки». Но есть пункты, достаточно элементарные, чтобы царская голова ихъ могла охватить, — и въ нихъ у Николая оказывается чрезвычайное упорство и настойчивость. И сущность самодержавнаго режима, которая дѣлаетъ не случайностью, а общимъ правиломъ вліяніе случайностей и мимолетныхъ капризовъ, которымъ подвержена случайная личность самодержца, даетъ полный просторъ проявленію все болѣе усваиваемыхъ царемъ замашекъ турецкаго султана, плюющаго на всѣхъ и на вся: «да развѣ я не самодержецъ?»

Куда дѣвалась былая робость, застѣнчивость, неловкость юноши-царя! Все это оказалось результатомъ непривычки, когда ему «шапка мономаха» была еще вповѣ... Говоря словами одного изъ персонажей Островскаго, очевидно, «это отъ малодушества—со временемъ проходить»...

Такова была личность царя, такова была естественная исторія ея развитія въ тѣхъ общественныхъ условіяхъ, въ которыхъ ей пришлось принять тяжелое политическое наслѣдство дома Романовыхъ.

Спустимся теперь съ верховъ общественной пирамиды въ

оя средніе и нижніе ярусы — и посмотримъ, что творилось тамъ, на что приходилось опираться верхушкѣ этой пирамиды, какъ на свое основаніе, какъ на свой фундаментъ.

Перипетіи личной жизни послѣдыша дома Романовыхъ являлись лишь слабой, повернутной рябью, совершенно не касавшейся глубинъ этого огромнаго человѣческаго моря, гдѣ дѣйствовали совершенно особыя теченія, гдѣ дѣла шли себѣ своимъ порядкомъ.

Отъ Александра III сынъ его унаслѣдовалъ совершенно сложившуюся политику, опирающуюся на совершенно опредѣленные общественные интересы и не менѣе опредѣленные общественныя группы. Николаю II выпало лишь несчастье присутствовать при томъ моментѣ въ развитіи этой политики, когда она, развившись логически до самыхъ послѣднихъ крайностей, привела себя къ абсурду.

Великорусское торгово-промышленное сословіе — такова была новая сила, которую подготовило царствованіе Александра II, которой расчистили почву «великія реформы 60-хъ гг.», и которая особенно выдвинулась, какъ политическая сила, при Александрѣ III, этомъ царѣ-протекціонистѣ по преимуществу. Мы подчеркиваемъ, что это было *великорусское* торгово-промышленное сословіе — ибо характернымъ для него являлся антагонизмъ съ фабричными слоями Польши, Остзейскихъ провинцій и т. п. Оно даже приравнивало эти послѣдніе къ «иностранной» промышленности и требовало одно время противъ нихъ боевыхъ пошлинъ. Дѣйствительно, между ними существовать крупный антагонизмъ. Фабрики Польши и Остзейскаго края набросились на американскій хлопокъ и перерабатывали иностранные полуфабрикаты, часто работали и иностраннымъ углемъ; то, другое и третье они имѣли изъ первыхъ рукъ. Имъ была нужна свобода торговли. Центральныи великорусскій промышленный районъ, работая Уральскимъ и Донецкимъ углемъ, Кавказской нефтью, имѣя близко среднеазиатскій хлопокъ, наоборотъ, былъ бы при свободной торговлѣ въ невыгодныхъ условіяхъ сравнительно съ болѣе культурными окраинами. Наоборотъ, при протекціонизмѣ, при пошлинахъ на иностранный хлопокъ, уголь, полуфабрикаты онъ сразу выдвигался, пріобрѣталъ огромныя преимущества, побивалъ рекордъ, имѣя изъ первыхъ рукъ домашніе сырые матеріалы, топливо, полуфабрикаты. Наши текстильные короли, желѣзодѣлатели Урала, горнопромышленники Донецкаго бассейна, съ своимъ торговымъ центромъ — Нижегородской ярмаркой, выступили, какъ ревнители чисто-русскихъ, на-

ціональныхъ интересовъ. Антагонизму производственныхъ интересовъ соответствовало и культурное различіе. Промышленники западныхъ окраинъ, тяготясь къ сосѣднимъ европейскимъ странамъ, связанные съ ними и сношеніями экономическими, и культурно-національнымъ родствомъ, были болѣе склонны къ прогрессу; ихъ рабочіе требовали лучшей заработной платы, и норму прибыли имъ приходилось преимущественно повышать техническими улучшениями; промышленники же центра и юга пользовались дешевыми рабочими руками, налегали на болѣе длинный рабочій день, были менѣе культурно развиты. Первые были настроены болѣе либерально, стояли за сближеніе съ Европой, были не прочь отъ фабричнаго законодательства, которое принудило бы и центральныхъ фабрикантовъ уменьшить рабочій день, и тѣмъ сравняло бы въ этой области шансы обоихъ антагонистовъ; вторые стояли за таможенную войну съ Европой, стремились всячески отгородиться отъ нея, не желали вмѣшательства въ «патріархальныя» отношенія ихъ съ рабочими, тяготѣли къ Азіи, къ азіатскому сырью, азіатскимъ рынкамъ и азіатскимъ порядкамъ. Великорусское торгово-промышленное сословіе хотѣло обширныхъ и защищенныхъ отъ иностранной конкуренціи рынковъ. Для сбыта и для безпрепятственнаго черпанія сырья имъ были нужны широкія, политически-подчиненныя, включенныя внутрь россійской таможенной стѣны территоріи. Они горькимъ опытомъ убѣдились въ затруднительности, почти невозможности конкуррировать съ европейской промышленностью на нейтральныхъ рынкахъ. Отсюда и ихъ политическій идеалъ: «Россія должна представлять собой не только міровую державу, но и самостоятельное міровое хозяйство, охватывающее всѣ климатическія зоны, производящее всѣ земные продукты, замкнутое для вторженія извнѣ, само удовлетворяющее себя изнутри!»*)

На примѣрѣ великорусской буржуазіи видно, что въ классовой борьбѣ численность далеко не играетъ рѣшающей роли; наоборотъ, энергія, подвижность и организованность являются огромной силой. Политика, которой требовали интересы великорусской буржуазіи, предполагала искусственный подъемъ цѣнъ товаровъ на внутреннемъ рынкѣ; она предполагала, что сельское хозяйство, земледѣліе, огромная масса крестьянства и крайне сильный землевладѣльческій классъ будутъ

*) Шульце Геверницъ, «Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи», гл. II, стр. 219.

покупать сельско-хозяйственные орудія и машины, удобрение, огаь, желъзо, продукты обрабатывающей промышленности на крайне невыгодныхъ для себя условіяхъ; она предполагала затрату крупныхъ денежныхъ средствъ — за счетъ, конечно, податныхъ сословій — на осуществленіе конкретной программы азиатской политики міровой державы*); она предполагала искусственное подавленіе промышленности окраинъ. Тѣмъ самымъ политика эта рисковала вызвать оппозицію огромнаго большинства населенія. Великорусская буржуазія, такимъ образомъ, имѣла передъ собой грандіозную задачу: сдѣлать такъ, чтобы ея интересы на политической чашкѣ вѣсовъ перевѣсили интересы по крайней мѣрѣ 85 процентовъ всей націи. И она разрѣшила эту задачу.

На помощь великорусской буржуазіи пришли два фактора. Это было, во первыхъ, извѣстная солидарность ея интересовъ съ интересами бюрократически-самодержавнаго строя. Состояніе государственныхъ финансовъ, при задолженности Россіи, при усиленномъ перетеканіи золота за границу, требовало искусственныхъ мѣръ къ поощренію вывоза и затрудненію ввоза, съ цѣлью оплаты заграничѣ золотомъ избытка нашего вывоза надъ ввозомъ. Это побуждало нашихъ государственныхъ людей, съ ихъ грезами о выгодномъ торговомъ балансѣ, рѣшительно пойти по дорогѣ протекціонизма, который въ то же время представлялъ для казны и прямую статью дохода. Вторымъ же факторомъ побѣды великорусской буржуазіи было ея умѣнье обдѣлать дѣло съ властью имущими, во время зайдя съ задняго крыльца. Представитель французской буржуазіи, Сіейсъ, говоритъ: «что такое третье сословіе? — Ничто. — Чѣмъ оно должно быть? — Всѣмъ». Въ отличіе отъ него русскій буржуй, самодовольно похлопывая себя по туго набитому карману, изрекаетъ знаменитую фразу изъ статьи, въ свое время сильно нашумѣвшей, и, какъ оказалось, инспирированной биржевымъ комитетомъ Нижегородской ярмарки мѣстной газетѣ: «Всероссійское купечество—*все можетъ!*»**)

*) Ср. Alfred Rambaud, «Histoire de la Russie», 5-e cd., Ch. XL (Nicolas II) pp. 861, 863-864.

**) О первыхъ политическихъ притязаніяхъ русской буржуазіи, въ смыслѣ образованія при минист. финансовъ совѣщательнаго учрежденія изъ выборныхъ представителей торгово-промышленнаго класса и объ уничтоженной цензурою брошюрѣ Менделѣева и Шнейдера въ этомъ духѣ см. L. Tikhomiroff, «La Russie politique et sociale», p. 203.

Чрезвычайно важнымъ обстоятельствомъ при этомъ было умѣнье внести раздѣленіе въ лагерь противниковъ. Покровительство промышленности произошло за счетъ сел.-хозяйства. Оставалось въ лагерь сельскихъ хозяевъ выдѣлать многочисленные элементы стародворянскаго, крѣпостническаго пошиба; неприспособленные къ новымъ, пореформеннымъ условіямъ, элементы эти изъ рукъ вонъ плохо вели хозяйство и еще хуже разбирались въ своихъ хозяйственныхъ, производственныхъ интересахъ. Низкое состояніе техники хозяйства дѣлало для нихъ мало важнымъ возвышеніе цѣнъ даже на с.-хоз. машины, искусственное удобреніе и т. д. За этотъ ущербъ ихъ было не трудно удовлетворить прямыми и грубыми сословными подачками. Итакъ, сохраненіе сословнаго дворянскаго строя, привилегіи по доступу дворянъ въ ряды бюрократіи, дворянскій банкъ, податныя льготы, неспособность, созданіе чисто-сословныхъ синекуръ, вредъ должности земскихъ начальниковъ, вообще возстановленіе ихъ власти надъ крестьянами — такова была система мѣръ, которыми къ союзу бюрократіи съ великорусской буржуазіей былъ привлеченъ еще и третій общественный слой — дворяне-аграріи.

Внѣ союза остались: во первыхъ — окраинная буржузія, перешедшая съ оппозицію и усилившая мѣстами сепаратистскія тенденціи; но именно осложненіе хозяйственнаго антагонизма національнымъ усиливало позицію нашего «тройственнаго союза», давая обильную пищу патріотической демагогіи. Во вторыхъ, внѣ союза осталась болѣе культурная часть землевладельцевъ, брезговавшая положеніемъ «государственныхъ нахлѣбниковъ» и развившая оппозицію въ земствахъ;* но разгромъ «Народной Воли» заставилъ земско-либеральную оппозицію присмирѣть; впрочемъ все таки началось систематическое урѣзваніе земства и выкуриваніе изъ него оппозиціи. Что касается мужика — объ немъ не думали ничего, кромѣ того, что «ѣнъ достанетъ». Фабричный рабочій еще не выступалъ на политическую арену, революціонная интеллигенція еще не успѣла внести въ этотъ новосложившійся классъ революціонно-соціалистическія дрожжи.

Благодаря этому, интересы ничтожнаго меньшинства могли диктовать свою волю всей странѣ. Само собой разумѣется, что великорусская буржуазія при такихъ условіяхъ должна была являться въ политической области диаметральной про-

* Ср. жалобы „Русскаго патріота“ (В. Чичерина) въ книгѣ „Россія накануне XX ст.“ стр. 50-52.

тивоположностью буржуазии передовых странъ запада: факторомъ не освободительнымъ, не либеральнымъ, тѣмъ паче не революціоннымъ, а реакціоннымъ. Совершенно естественно и неизбѣжно созданъ охарактеризованный выше тройственный союзъ наиболѣе эксплуатирующихъ и паразитическихъ классовъ; самодержавіе явилось только опредѣленной формой *и*тг господства, именно *диктаторской* формой. Данная форма имѣетъ то неудобство, что, какъ извѣстно, диктаторъ, въ интересахъ своей партіи, можетъ очень деспотически и безцеремонно обращаться съ отдѣльными ея членами; но при извѣстныхъ условіяхъ диктаторская, а не свободно-демократическая форма господства является не только наиболѣе соответствующей интересамъ данной группы, но и единственной почти гарантіей ея интересовъ.*)

Такимъ образомъ сложилась, какъ единое, органически связанное цѣлое, слѣдующая политическая программа: самодержавіе; бюрократическая централизація; протекціонизмъ; словность; ограниченіе самоуправленія; подавленіе окраинъ; поддержаніе безправія и невѣжественности деревни; колоссальный ростъ бюджета, главнымъ образомъ, военнаго; агрессивная политика азіатской міровой державы.

Николаю II пришлось пассивно, помимо собственнаго пониманія и воли, только довести до логическихъ послѣдствій эту политическую систему. Историческаго смысла своего царствованія — привести эту систему къ абсурду, — этотъ коро-

*) Шульце-Геверницъ довольно мѣтко замѣчаетъ: «Переворотъ, опрокинувшій въ 70 гг. господствовавшее при Александрѣ II фрѣтредерское направленіе... является побѣдой, одержанной центромъ надъ окраинами, побѣдой Москвы надъ Петербургомъ. Столь характернымъ для Петербурга эпохи Александра II либерализмъ, обращавшій свои взоры на западъ, отступилъ подъ напоромъ союза, образовавшагося между промышленными интересами центральныхъ областей Россіи и славянофильскимъ направленіемъ. Этотъ переворотъ проявилъ себя въ 80 гг. въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики». «Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, почему самоуправленіе теряло подъ собою почву съ начала 70 годовъ. Всякое представительство земельныхъ интересовъ подчеркиваетъ количественную слабость представителей промышленныхъ интересовъ. И въ этомъ случаѣ славянофильская теорія является идеологической оболочкой интересовъ промышленности». Авторъ ошибается лишь въ томъ, что односторонне выдвигаетъ изъ интересовъ всего «тройственного союза» интересы лишь одной изъ составныхъ его частей. Бюрократическій сановный Петербургъ есть союзникъ промышленной Москвы.

нованпый микроцефаль, разумѣется, никогда не сознавалъ и даже не подозрѣвалъ. Про все, что имъ — или, лучше сказать, при немъ — въ этомъ отношеніи было сдѣлано, онъ могъ бы, такимъ образомъ, сказать словами одной вульгарной пѣсенки: «безъ меня меня женили — меня дома не было». Въ области финансово-хозяйственной главнымъ творцомъ этой системы былъ Витте;*) въ области политической — Плеве; въ области «идеологической» — Побѣдоносцевъ.

Какъ бы то ни было, но передъ нами въ царствованіе Николая развернулись крайніе плоды господства этой системы: гнилость, продажность, негодность оставшагося безъ общественнаго контроля бюрократическаго механизма; истощеніе деревни, низкое состояніе земледѣльческой техники, бѣдность крестьянскихъ массъ, ростъ ихъ недовольства, прогрессирующее выкуриваніе ими изъ деревень нелюбимыхъ помѣщиковъ, стихійная попытка аграрной революціи въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ; концентрированная, но угрожаемая кризисомъ промышленность, рабочее движеніе, уже нашедшее оцупью дорогу къ могучему пролетарскому средству борьбы — всеобщей стачкѣ; военная авантюра на Дальнемъ Востокѣ и сбывшееся предсказаніе Энгельса, что запоздавшія вступить на путь капиталистическаго развитія страны могутъ себѣ найти только такіе рынки, гдѣ въ изобиліи окажутся лишь лихорадки и колотушки...

Это — банкротство системы. Это — поставленная исторіей задача: ликвидація политики внутри-россійскаго «тройственного союза».

Политика эта являлась, однако, органически-единымъ цѣлымъ. Ликвидація ея должна быть произведена по всей линіи. На очереди стоитъ великая историческая задача: установленіе полной демократіи и проведеніе принципа децентрализаціи, истребленіе съ корнемъ сословности; уничтоженіе китайской протекціонной стѣны; возрожденіе трудовой Россіи, и въ особенности возрожденіе земледѣлія, деревни, немыслимое безъ самыхъ радикальныхъ мѣръ; возрожденіе и просторъ національнаго развитія такъ называемыхъ «окраинъ»; уничтоженіе милитаризма, агрессивной политики, и, въ особенности, полная ликвидація политики захватовъ на Дальнемъ Востокѣ.

Совершенно ясно, что само самодержавіе этой задачи ни-

*) См. превосходную характеристику этой системы у А. В. Пѣшехова: „Децентрализація экономической власти“ въ сборникѣ „На очередныя темы“ (СПБ. 1904 г.).

когда не захочетъ и не сможетъ совершить. Только освобо-
дившіяся революціонно-разрушительныя и революціонно-твор-
ческія силы самаго рабочаго народа это могутъ сдѣлать — и
должны это сдѣлать.

* * *

Правительство Николая II, конечно, наталкивалось время
отъ времени то на одну, то на другую частность изъ этой
огромной и нераздѣльно-единой проблемы. Оно, по свойствен-
нымъ царю-упадочнику неустойчивости и малодушію, время
отъ времени дѣлало видъ, что хочетъ пойти навстрѣчу по-
требностямъ жизни, желаніямъ общества; иногда показывало
ту или иную приманку... Наивные люди устремлялись на эту
приманку — и горько платились за свою наивность.

Такъ провоцировало правительство земцевъ высказывать
«всю правду» въ сельскохоз. комитетахъ — и неосторожно по-
вѣрившіе приглашенію попали въ западню, въ ловушку, и бы-
ли наказаны. Сами виноваты — зачѣмъ устремились на цар-
скій зовъ!

Такъ Зубатовъ и независимцы втолковали рабочимъ, что
чисто экономическая борьба, безъ примѣси политики, не толь-
ко дозволается, но и поощряется — и одесскіе рабочіе валомъ
повалили на обманчивый миражъ возможности улучшить свое по-
ложеніе при самодержавіи и съ помощью самодержавія — пока
Одесская всеобщая стачка не была прекращена ружейными
залпами, избіеніями, кровью...

Такъ полтавско-харьковскіе крестьяне — впрочемъ, безъ
всякаго приглашенія, по чистому недоразумѣнію — повѣрили,
что царь, какъ любящій отецъ своего народа, ничего не имѣ-
етъ противъ перехода земель къ трудящимся — и валомъ по-
валили на обманчивый миражъ улучшенія своего положенія
при самодержавіи — и снова выстрѣлы, кровь, избіенія, на-
силія были имъ тяжелымъ урокомъ.

И всѣ эти жертвы, всѣ эти разочарованія, купленные до-
рогой цѣной, эти расплаты за вѣру въ царскіи милости, въ
царскую приманку — напоминаютъ мнѣ все ту же пророче-
скую картину, все тотъ же прообразъ царствованія Николая —
Ходынскую катастрофу.

Взгляните на это описаніе современника — и судите сами:

«Пируетъ русскій царь, пируетъ, окруженный всѣми отживающими силами стараго міра, — доморощенными холопами въ ризахъ и мундирахъ, чужестранными послами, представителями буржуазіи и милитаризма. Всюду блескъ, роскошь, азіатское великолѣпіе и внѣшній европейскій лоскъ. Приглашенъ участвовать въ этомъ династическомъ весельи и онъ, темный, изголодавшійся, изстрадавшійся народъ: для него царскіе слуги припасли дешевыхъ пряниковъ и орѣховъ, кумачныхъ платковъ и оловянныхъ кружекъ съ двуглавымъ орломъ. И народъ тронулся, какъ трогается всякая стихійная сила... Но тутъ оказалось, что никому и въ голову не пришло заровнять ямы и овраги, закрыть, какъ слѣдуетъ, колодцы въ полѣ; за то деревянные проходы на дорогѣ къ баракамъ съ лакомствами были придуманы словно для настоящей охоты на народъ, въ видѣ съуживающихся воронокъ, или, какъ народъ назвалъ ихъ послѣ, «западенъ». А тутъ еще, говорятъ, власти нарочно распустили слухъ въ народѣ о томъ, что задача угощеній началась, надѣясь вызвать усиленную давку и тѣмъ замаскировать скудость припасовъ... Цѣлый океанъ человѣческихъ головъ пошелъ на приступъ баръковъ, и эти живыя волны чувствующихъ, страдающихъ существъ перекатывались, раздавливая тѣхъ, кто нечаянно попалъ въ яму, кто ослабѣлъ, изнемогъ и падалъ. Трупы, словно остатки отъ кораблекрушенія, взмывались то тамъ, то здѣсь на поверхности этого моря искаженныхъ лицъ, безсильно всплескивающихъ рукъ, сжатыхъ кулаковъ, среди стона, проклятій и криковъ умирающихъ. Инымъ приходилось цѣлыми часами быть прикованными къ мертвецамъ, не имѣя возможности освободиться отъ этихъ ужасныхъ сосѣдей, которые отъ тѣсноты не могли даже упасть на землю... А наверху сіяло равнодушное солнце, и туманъ отъ этой дымящейся толпы поднимался къ лазурному небу, словно жертвенный фиміамъ молоху самодержавія...»

Развѣ это — не живая картина того, что, въ колоссально-огромныхъ размѣрахъ, происходитъ по всему лицу земли русской? Развѣ весь нашъ существующій строй — не одинъ огромный пиръ кучки царскихъ прихлебателей въ военныхъ и дворянскихъ мундирахъ, поповскихъ рясахъ и купеческихъ сюртукахъ? Развѣ для изголодавшагося рабочаго народа на этомъ пиру приготовлено что-нибудь, кромѣ обманчиваго миража «царскихъ гостинцевъ» — царской «милости», «довѣрія» и «сердечнаго попеченія»? И развѣ путь къ реальному пользованію обѣщанными благами не ведетъ къ такимъ же

«сѣуживающимся воронкамъ», предательскимъ ямамъ, доушкамъ и западнямъ, какъ и тѣ, въ которыхъ гибли люди на Ходынскомъ полѣ? И развѣ народъ, развѣ вся страна, пока она валомъ валитъ на эти обманчивые миражи, не представляетъ собою того же моря человѣческихъ головъ, сбитыхъ въ нуждѣ, тѣснотѣ, яростно ведущихъ междуусобную борьбу за существованіе, толкающихъ другъ друга, давящихъ всѣхъ, кто изнемогъ и упалъ? И развѣ живые люди, желающіе выбиться на просторную дорогу развитія, не бываютъ прикованы въ этомъ всероссійскомъ человѣческомъ морѣ къ живымъ трупамъ, въ той общей давкѣ, гдѣ *le mort saisit le vif* — мертвый душитъ живаго? А развѣ этотъ дымъ пожаращъ на поляхъ Дальняго Востока, подъ грохотъ канонады, сѣющей десятки тысячъ смертей и отзывающейся въ сердцахъ Россіи безутѣшными воплями осиротѣвшихъ семей — развѣ этотъ багровый дымъ сраженій, — не есть зловѣщій фиміамъ Молоху самодержавія?

А между тѣмъ, присмотритесь поближе къ этому Молоху, который издали выглядитъ грознымъ богомъ, требующимъ человѣческихъ жертвъ — какъ онъ жалокъ, какъ онъ ничтоженъ! Какъ омерзительны и низки его прислужники и прихлебатели! Какъ сказывается на нихъ справедливость словъ французскаго поэта, гласящихъ, что «сильные и великіе міра только до тѣхъ поръ и потому кажутся намъ великими, что мы пали ницъ передъ ними — поднимемся же!»

Когда же поднимешься ты, русскій рабочій народъ? Когда, уставъ сгибать спину подъ рабскимъ ярмомъ и колѣнями скользить въ пыли и грязи, ты поймешь, наконецъ, весь ужасъ своего теперешняго положенія? Когда ты ужаснешься самого себя — и тѣмъ самымъ проникнешься мужествомъ, двигающимъ на возстаніе? Когда ты отвѣтишь грознымъ проклятіемъ на царскія милости такъ же, какъ и на царскія угрозы, и положишь конецъ Валтасарову пиру послѣдыша дома Романовыхъ и тѣснящихся у его трона твоихъ вѣковыхъ враговъ?

«Ей, гряди, Господи! ей, гряди скоро!»

Ю. Гарденинъ.

664437

Prix . 30 centimes

